

Н.Л. Моргунова

К ВОПРОСУ О СИНХРОНИЗАЦИИ И КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЯХ КУЛЬТУР
ЭНЕОЛИТА И РАННЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА СТЕПНОГО–ЛЕСОСТЕПНОГО
ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ С КУЛЬТУРАМИ ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ВОЛГО-КАМЬЯ

Проблема взаимоотношений и синхронизации степных культур южных районов Поволжья и лесной зоны Волго-Камья имеет достаточно обширную историографию. Этот вопрос затрагивался в трудах О.Н. Бадера, А.Х. Халикова, Р.С. Габышева, Л.А. Наговицына, А.А. Выборнова, автора и других исследователей. Специальная работа на основании типологического сопоставления, в основном, керамических материалов, проведена И.Б. Васильевым и Р.С. Габышевым (Васильев, Габышев, 1982. С.3-23). Ими синхронизированы со съезженским (ранним) этапом самарской культуры памятники позднего этапа волго-камской неолитической культуры и памятники русско-азийского типа с воротничковой керамикой. Хвалынской культуре, по их мнению, должны соответствовать памятники раннего и развитого этапов волосовской культуры. При этом были отмечены некоторые параллели хвалынской керамики в русско-азийском типе и их слабое присутствие на материалах гаринского типа. Раннеямные (репинские) памятники в степном Поволжье авторы синхронизировали с развитым этапом волосовской культуры и гаринско-борскими памятниками, при этом они отметили синкретический характер керамики Алексеевской стоянки. На развитом («городцовском») этапе ямной культуры продолжали существовать поздние волосовские и гаринско-борские группы населения, но их контакты с южным степным населением, по мнению И.Б. Васильева и Р.С. Габышева, не прослеживаются на археологических источниках. Связи с лесным позднеэнеолитическим населением активизировались на полтавкинском этапе ямной культуры.

В целом, представленная схема, обоснованная тщательным сопоставлением признаков глиняной посуды из южных областей Поволжья и из лесных культурных образований, не вызывает возражений и подтверждается исследованиями последних десятилетий (Моргунова, 1995; Никитин, 1996; Выборнов, 2008). В своих сопоставлениях авторы пользовались в основном относительной хронологией культур, установившейся

к тому времени. Поэтому целесообразно обратиться к данной проблеме в свете радиоуглеродных датировок различных памятников энеолита и ранней бронзы, в массовом количестве появившихся в последнее время. Кроме того, с этой проблемой связан и другой вопрос – о роли южных культур в энеолитизации и культурной трансформации населения лесной зоны. Прямой ответ на этот вопрос в работе И.Б. Васильева и Р.С. Габышева не прозвучал, но из всего анализа материалов явно следовал вывод о значительном участии южных групп населения в формировании волосово-гаринско-борской общности. К выводу об участии южных энеолитических групп населения в формировании лесного энеолита на базе камского неолита в последних своих работах склонялся А.Х. Халиков (Халиков, 1982. С.25). О том же писал А.А. Наговицын (Наговицын, 1984. С.117). Но специальные работы по данной проблеме в последние два десятилетия не появились.

Прежде всего, остановимся на появившихся в последние годы радиоуглеродных датировках неолита и энеолита лесной зоны Волго-Камья. По имеющимся данным, ранний и развитый этапы волго-камской культуры датируются в пределах со второй половины VI до середины V тыс. до н.э., а памятники левшинского этапа – второй половиной V тыс. до н.э. (Выборнов, 2008. С.168-169; Лычагина, 2007. С.104-105)*. Эти даты согласуются с хронологией верхневолжской и льяловской культур (Крайнов, 1996. С.166; Гурина, Крайнов, 1996. С.178; Цетлин, 2008. С.234), а также неолита Марийского Поволжья (Никитин, 2008. С.257). Таким образом, хронологические рамки неолита в лесной зоне Волго-Камья, Среднего Поволжья и Верхнего Поволжья определяются с VI до начала IV тыс. до н.э.

На основе волго-камской культуры в Прикамье формируется гаринско-борская культу-

* Здесь и далее я придерживаюсь калиброванных значений радиоуглеродных дат. Но поскольку многие авторы предпочитают традиционные даты и в публикациях радиоуглеродных дат не приводят калиброванные значения, то в таких случаях, я привожу только даты от наших дней (BP), что облегчает наши сопоставления.

ра и близкие ей культурные группы (Наговицын, 1987), а в Среднем и Верхнем Поволжье – волосовская культура (Крайнов, 1987). Многие исследователи объединяют их в культурно-историческую общность (Халиков, 1982. С.24; Крайнов, 1981; 1987).

Д.А.Крайнов, на основании стратиграфических данных целого ряда опорных памятников Верхней Волги, разработал периодизацию волосовской культуры, выделив при этом «протоволосовский» горизонт древностей, для которого установлены радиоуглеродные даты: 5150 ± 40 и 5000 ± 70 лет ВР (Крайнов, 1987. С.13). Позднее были опубликованы даты по поселениям Сахтыш I и II, еще более удрежнявшие начало ранних волосовских древностей (Тимофеев, Зайцева, Долуханов, Шокуров, 2004. С.90-91). Значительный интерес представляют результаты радиоуглеродного датирования погребальных комплексов, разделенных на 3 хронологических горизонта на основании археологических наблюдений (Костылева, Уткин, 2008. С.230-233). Авторами для захоронений раннего этапа получено по костям человека 5 радиоуглеродных дат в интервале от 4800 ± 200 до 4540 ± 150 лет ВР, а также 2 даты по углю из святилища в том же диапазоне. Поздневолосовские погребения датированы 4310 ± 60 – 4080 ± 180 лет ВР. В интервале от 5169 до 3670 лет ВР, на основании 47 радиоуглеродных дат, определяет время существования волосовской культуры Ю.Б.Цетлин (2008. С.234-244). Аналогичная периодизация волосовских древностей разработана для Среднего Поволжья (Халиков, 1969; Никитин, 1996). Радиоуглеродные даты для поволжских памятников не делались, однако типологическая сопоставимость материалов позволяет использовать верхневолжскую хронологию волосовских памятников и в Среднем Поволжье.

На территории Волго-Камья к раннему энеолиту относятся памятники новоильинского типа, а к позднему – памятники гаринско-борской и юртиковской культур (Наговицын, 1987). Первые исследования данных культур связаны с именем О.Н.Бадера (Бадер, 1961). Хронология энеолита Прикамья разработана недостаточно. Традиционно гаринско-борские памятники датировались второй половиной III – первой половиной II тыс. до н.э. Первые радиоуглеродные даты юртиковских памятников дали значитель-

ный разброс (Наговицын, 1984. С.116-117; 1987. С.29). Сравнивая полученные даты с данными по волосовской культуре, Л.А.Наговицын для установления хронологии энеолита отобрал значения от 4990 ± 50 до 3500 ± 50 ВР и датировал энеолит Прикамья в пределах III тыс. до н.э. (по традиционной хронологии) или в пределах IV – первой половины III тыс. до н.э. (по калиброванной шкале). Недавно А.А.Выборновым получена серия новых 14С дат по энеолиту Прикамья*. Средние значения для новоильинских и красномостовских памятников 5100-5290 лет ВР, для гаринско-борских – 5000-3900 лет ВР. В целом эти датировки, с одной стороны, подтверждают периодизацию волго-камского энеолита, предложенную исследователями ранее, с другой стороны, синхронизируют волосовские, в том числе, протоволосовские, с новоильинскими и гаринско-борскими в пределах с конца V до начала, середины III тыс. до н.э. Этот вывод хорошо согласуется с вышеотмеченными данными по хронологии заключительного этапа лесных неолитических культур.

Важно отметить и то, что эпохальная принадлежность всех этих культур определяется достаточно представительными находками раннего металла, особенно для поздних этапов (Черных, 1966; Кузьминых, 1977).

Принципиально важные данные получены по результатам исследований А.А.Чижевским II Мурзихинского могильника в Татарстане (Чижевский, 2008). В могильнике зафиксировано 12 погребений, культурная принадлежность которых по керамике и другим находкам определяется как гаринско-борская. По костным останкам получено 10 радиоуглеродных дат в интервале от 5660 ± 40 до 4000 ± 200 ВР (Чижевский, 2008. С.370-371). Последняя дата единична, все остальные 9 дат близки первой.

Ранний этап энеолита в Самарском Поволжье (юг лесостепи) представлен памятниками самарской культуры, в Нижнем Поволжье (степь) – прикаспийской культурой. Прикаспийский тип керамики отличает однородность и, как правило, она встречается в сочетании с поздне-неолитической керамикой орловской культуры. Керамика Съезженского могильника синкре-

* Полученные даты не опубликованы. Выражаю большую признательность А.А.Выборнову за возможность использовать эти даты.

тична, выделяют две группы сосудов, отличающиеся не только типологическими признаками по форме и орнаментации, но и по технологическим особенностям (Васильева, 1999. С.201). На основании технологического анализа сделано заключение, что I группа керамики, с меандровыми узорами, связана с пришлым компонентом культуры, а II группа представляет местное население, использовавшее гребенчатую технику орнаментации. Гребенчатая орнаментация на керамике начала распространяться на развитом этапе местной неолитической волго-уральской культуры (Моргунова, 1995). Распространение гребенчатой техники в лесостепи мною объяснялось влиянием волго-камской культуры, усилением связей лесостепного и лесного населения на данном этапе. Постепенное распространение гребенчатой техники с севера на юг наблюдается и в западных регионах Восточной Европы.

Радиоуглеродные даты материалов самарской и прикаспийской культур (керамика из могильника Съезжее, поселения Лебяжинка III, слоя 2А поселения Варфоломеевка, стоянки Буровая 41 и Курпеже-Молла) и их сравнение с датировками памятников культур мариупольского круга позволили установить для них хронологический интервал в пределах от 5400 до 4800 лет BC (Моргунова, Выборнов, Ковалюх, Скрипкин, 2010; Моргунова, 2009). Таким образом, в лесном неолите памятники самарской культуры синхронизируются с развитым этапом волго-камской культуры, т.е. с памятниками типа Хуторской стоянки. В этом плане интересны такие факты, подчеркивающие связи лесостепного и степного населения, как наличие единичных типично хуторских сосудов закрытой полуяйцевидной формы в коллекции Виловатовской стоянки, а также появление в лесостепи (юг Башкирии) таких поселений, как Муллино (нижний слой) и Давлеканово, на которых керамические материалы аналогичны хуторскому типу.

Следующий этап энеолита представлен хвалынской культурой и материалами алтатинского типа в степной части Поволжья, а на юге лесостепи – самарской культурой на II этапе ее развития (керамика ивановского и токского типа). В работе И.Б.Васильева и Р.С.Габяшева (1982. С.8-9) сопоставление южных и лесных материалов проведено лишь по линии сравнения хвалынской керамики с волосовской и

гаринско-борской, поскольку в то время данные по Ивановскому поселению, на основании которых было обосновано выделение II этапа самарской культуры, находились еще в стадии обработки (Моргунова, 1985). Исследователи отметили, что в керамике хвалынской, гаринской и волосовской культур есть общие элементы: примесь раковины, Г- и Т-образные венчики, некоторые орнаментальные узоры и др., что, по их мнению, является отражением связей и контактов культур. Они также поставили вопрос о необходимости вернуться к проблеме о роли южных импульсов в сложении волосовских племен в Среднем Поволжье (Васильев, Габяшев, 1982. С.9). Что касается еще одной группы материалов в Прикамье – воротничковой керамики русско-азибейского типа, то авторы рассматривали ее в совокупности с левшинскими древностями и считали ее появление в лесной зоне отражением контактов с населением съезженского этапа самарской культуры (Там же. С.5-6). В то же время, они усматривали на русско-азибейской керамике некоторые хвалынские элементы (Там же. С.9).

В целом данные представления о взаимоотношениях южных и лесных культур позднего неолита и энеолита нашли поддержку и понимание у многих исследователей. Однако этим представлениям не соответствовала хронология, установленная в то время для южных и северных культур. Сами авторы это несоответствие объясняли «запаздыванием развития культур севера и смещения разновременных южных импульсов (самарского и хвалынского) в материальной культуре северных энеолитических племен» (Там же. С.10).

Несколько позже у исследователей возникли некоторые разногласия относительно материалов ивановского и токского типов керамики на Ивановском и Турганинском поселениях в Оренбургской области. Что касается воротничковой керамики ивановского типа, то ее типология ни у кого не оставляла сомнений в ее синхронности хвалынским и среднестоговским древностям, с одной стороны, и в отнесении ее ко II этапу самарской культуры, с другой (Моргунова, 1984; Васильев, Синюк, 1985. С.40). Керамика токского типа, на основании многих общих признаков и взаимовстречаемости в одних слоях, мною синхронизировалась с ивановским воротничковым типом, обе группы рассматривались как продол-

жение линии развития 2-х групп съезженской и поздненеолитической керамики (Моргунова, 1995. С.64). При этом отмечалось типологическое сходство токсской керамики с керамикой волосовской культуры (Моргунова, 1984). В работах И.Б.Васильева обосновывался вывод, что памятники с материалами токсского типа принадлежат к восточному крылу волосово-гаринской культурной области и составляют в ее рамках еще одну культурную группу (Васильев, 1990. С.58). В то же время, И.Б.Васильев соглашался с тем, что часть токсской керамики может быть синхронна воротничковой ивановской, но в основном она относится к позднему энеолиту, как и керамика турганикского типа (Там же. С.58-60). Появление токсской керамики на юге лесостепи он объяснял как дальнейшим развитием местной традиции, так и прямым проникновением волосовско-гаринских групп населения в южные лесостепные районы, о чем особенно наглядно свидетельствовали материалы Гундоровского поселения на р. Сок*.

Проведенное нами радиоуглеродное датирование разных типов керамики развитого и позднего энеолита степного и лесостепного Волго-Уралья позволяет ликвидировать отмеченные разногласия и соотнести полученные данные с культурными группами лесной зоны.

Во-первых, отчасти уточнена хронология хвалынской культуры, первые результаты радиоуглеродного датирования которой в свою очередь вызывали дискуссию. Они позволяли некоторым археологам синхронизировать хвалынские, прикаспийские и съезженские памятники, с одной стороны, а с другой, по причине образовавшейся лакуны примерно в 500 лет между имевшимися датировками хвалынской и ямной культур, ставить под сомнение формирование последней на базе хвалынских древностей (Барынкин, 2003. С.54; Турецкий, 2006. С.95-96).

Полученные 14С даты по керамике хвалынского типа как со стоянок в Северном Прикаспии

(Каиршак VI и Кара-Худук), так и с юга лесостепи (Ивановка, Гундоровка и др.) подтвердили датировку хвалынской культуры в пределах первой половины V тыс. до н.э., но некоторые более поздние даты допускают ее развитие и во второй половине V тыс. до н.э. (Моргунова и др., 2010). В целом, хронология хвалынской культуры выглядит позднее, чем хронология прикаспийских и съезженских памятников, в то же время, допуская их частичное сосуществование. По датам, с хвалынской культурой соотносится II этап самарской культуры. Как по типологии культурных компонентов, так и по датам, хвалынская культура синхронна среднестоговским памятникам и Нальчикскому могильнику на Северном Кавказе, который, судя по 14С датам, относится к домайкопскому времени (Кореневский, 2008). Что касается хронологической «лакуны» между хвалынскими древностями и раннеямными, то новые 14С даты указывают на возможность бытования в этом интервале поздних хвалынских групп, поздних ивановско-токских, алтатинских и древнейших подкурганых погребений (Моргунова, 2010).

В этом интервале времени широкое распространение в степной и лесостепной полосе получает подкурганый обряд погребений, ставший ярким культурным признаком ямной культуры. Древнейшие курганы типа Бережновки I 5/22, по мнению ряда археологов, возникли в период функционирования хвалынских грунтовых могильников (Дремов, Юдин, 1992; Васильев, 2003. С.61). Однако подкурганые погребения бережновского типа практически не датировались. Известны лишь три 14С даты для погребений в курганах Вертолетное поле и Перегрузное (Шишлина, 2007. С.38). Из двух дат в Перегрузном по костям человека из одного погребения (5890 ± 153 ; 5430 ± 50 BP) большее доверие вызывает вторая, которая датирует комплекс в пределах второй половины V тыс. до н.э. К рубежу V и IV тыс. до н.э. относится погребение в могильнике Вертолетное поле (5180 ± 100 BP). В диапазоне от 4500 до 4000 лет BC, по радиоуглеродным данным, датируется ряд энеолитических подкурганых погребений в Приднестровье (Иванова и др., 2005. С.96-97), а также поздний период энеолита и предмайкопские памятники Северного Кавказа (Кореневский, 2006. С.84-86).

* Материалы Гундоровского поселения, к сожалению, не опубликованы. Однако знакомство с коллекцией памятника и полевыми отчетами, хранящимися в ИА РАН (Васильев, 1985; Овчинникова, 1990), говорит о том, что поселение не одновременно. Наряду с артефактами волосовской культуры (жилища, погребения, керамика) выделяются такие группы керамики, как поздненеолитическая с шагающей гребенкой, хвалынская, токская (отличающаяся от волосовской тонкостенностью, плотной структурой). Найдено украшение из клыка кабана.

Керамика токсского типа, как уже отмечалось, типологически продолжает линию развития местных лесостепных традиций гончарства (Васильева, 2006. С.23). Радиоуглеродное датирование фрагментов керамики с Турганикского и Ивановского поселений, а также погребений с Гундоровского поселения дало широкий интервал ее развития – от 5830 ± 70 до 4940 ± 80 ВР, т.е. пределах V тыс. до н.э. – начала IV тыс. до н.э. Отдельные даты соответствуют датам по воротничковой керамике ивановского и хвалынского типов, но большинство 14С датировок находятся в пределах второй половины V тыс. до н.э. При этом важно обратить внимание на даты по погребениям на Гундоровском поселении, которые, судя по обряду и наличию в них керамики волосовского и токсского типов, связаны с пребыванием на поселении именно этих групп населения. Эти даты из четырех погребений находятся в интервале от 5010 ± 50 до 5130 ± 50 ВР или от 4000 до 3700 лет ВС и соответствуют датам прото- и раннего этапов волосовской культуры (Тимофеев, Зайцева и др., 2004. С.78). Что касается комплекса материалов хвалынской культуры, то на Гундоровке он обособлен планиграфически и, видимо, не связан хронологически с волосовскими материалами, т.е. является более древним. Это подтверждается датой по керамике хвалынского типа из Гундоровского поселения – 5790 ± 80 ВР (первая половина V тыс. до н.э.).

На основании данных датировок можно сделать следующие заключения. Во-первых, традиция изготовления керамики токсского типа отражает линию развития местной культуры, возникшую в лесостепи раньше, чем сформировались волосовская и гаринско-борская культуры. Во-вторых, судя по датам токсской керамики и по ее взаимовстречаемости с воротничковой керамикой ивановского типа и с хвалынской керамикой, она имела распространение как на II этапе самарской культуры, так и в позднем энеолите, т.е. в прото- и ранневолосовское время.

Помимо материалов хвалынской и самарской культур, нами были продатированы 7 образцов воротничковой керамики с территории Прикамья (Моргунова, Выборнов, Ковалюх, Скрипкин, 2010). Как уже отмечалось, керамика так называемого русско-азибейского типа в лесных районах Прикамья рассматривалась как результат влия-

ния южных культур на поздненеолитическое население левшинского этапа. Полученные даты в интервале второй половины V тыс. до н.э. совпали с датировками левшинских памятников. Однако требует поправки вывод И.Б. Васильева и Р.С. Габяшева о синхронности левшинских материалов со съезженским этапом самарской культуры. Из 14С датировок следует, что появление воротничковой керамики в лесных районах связано с влиянием самарского населения, находившегося уже на завершающем этапе своего развития. В основном же радиоуглеродные даты воротничковой керамики лесной зоны приходится на время, когда в степной зоне Поволжья на базе хвалынской культуры формируется культура ранних подкурганых погребений, связанная со сложением древнеямных групп. Возможно, что усилившееся давление степного постхвалынского населения на лесостепь привело к оттеснению представителей самарской культуры в более северные районы. Но как показывают исследования, процесс этот был достаточно длительным и неоднозначным.

Таким образом, энеолитизация южных районов Поволжья и Приуралья (степь и юг лесостепи) протекала с конца VI до конца V тыс. до н.э. Ее начало, вероятно, было связано с проникновением металлоносных групп населения из Северного Причерноморья, что отразилось в появлении воротничковой керамики I типа съезженского типа и материалов прикаспийской культуры. Пришлые группы существенно не изменили этнокультурную ситуацию в регионе, они сосуществовали с местными поздненеолитическими культурами – орловской (в степи), волго-уральской (на юге лесостепи). В то же время, продолжились контакты южных групп с лесными культурами, в частности с волго-камской, что выразилось в широком распространении гребенчатой техники орнаментации с севера на юг.

Развитой этап энеолита в степной зоне Поволжья связан с формированием и усилением хвалынской культуры. Тесные связи с северо-причерноморским и балканским металлургическими центрами, видимо, определили ее доминантное положение в регионе и глубокое проникновение в лесостепные районы. Этот процесс оказал существенное влияние как на самарскую культуру, так и на поздненеолитиче-

ское население Среднего Поволжья и Прикамья. В конечном итоге к концу V тыс. до н.э. процесс энеолитизации постепенно охватывает и лесные районы Прикамья, Среднего и Верхнего Поволжья. Именно к этому времени, по радиоуглеродным данным, исследователи относят начало формирования волосовской и гаринско-борской культур.

Следующий этап культуругенеза в южных районах Волго-Уралья определяется как раннеямный (репинский). К этому времени относится распространение поселений типа Репин Хутор, закрепление традиции подкурганного погребального обряда, начало становления на Южном Урале Каргалинского металлургического центра. На этом этапе, особенно в степной части, происходит окончательная нивелировка этнокультурного процесса, с доминирующим положением ямной культуры.

В южной части лесостепи, в бассейне рек Урал, Самара и Сок, наряду с пока редкими ямными группами, представленными как репинской керамикой на поселениях, так и подкурганными погребениями, существовали и постэнеолитические группы населения. К таковым, к примеру, относились носители керамики турганикского типа, которая по ряду признаков в типологии и технологии имеет истоки в керамике токского типа (Васильева, 2006. С.23). Ранее эти материалы по типологическим признакам стадильно соотносились с керамикой Репина Хутора и Михайловки II. Отмечались при этом параллели и с волосово-гаринскими материалами (Моргунова, 1984. С.17-18). Радиоуглеродные даты по этой керамике полностью подтвердили прежнее заключение. Две даты – 4860 ± 80 и 4790 ± 80 ВР указывают на интервал времени ее существования от 3760 до 3500 лет ВС.

Керамика турганикского типа оригинальна. Население, ее изготавливавшее, явно испытывало влияние южных гончарных традиций, прежде всего репинских, что выразилось в таких ее признаках, как высокое, отчетливо профилированное горло, примесь раковины, плоскодонность. Но гребенчатая техника орнаментации и сами композиции, а также круглодонность являются наследием токских традиций. По этим признакам турганикская керамика находит параллели в гаринско-борской и волосовской культурах. Синхронность этих культурных взаимодействий

доказывается радиоуглеродными данными как турганикских, так и волосовских и гаринско-борских материалов.

Радиоуглеродное датирование репинской культуры по ряду памятников, таких как стоянки Кызыл-Хак I и II в Северном Прикаспии, пос. Репин Хутор, погребения в могильниках Шумейка и Скатовка в Саратовском Поволжье, Турганикское поселение (слой бронзового века с репинской керамикой), КМ Петровка в Оренбуржье, КМ Лопатино I в Самарском Поволжье, показало, что ранний этап ямной культуры приходится на период от 4100 до 3400 лет ВС, т.е. с конца V до середины IV тыс. до н.э. (Моргунова и др., 2010; Моргунова, 2010; Кузнецов, Ковалюх, 2008). Завершение процесса формирования ямного единства по всей территории степи и лесостепи волжско-уральского междуречья произошло в интервале 3500-3300 лет ВС. С этого времени, судя по 14С датам для классических ямных погребений в КМ Шумаево и Мустаево, начинается развитый период ямной культуры. Хронологические рамки развитого периода определяются 3300 до 2600 лет ВС. Позднеямные (полтавкинский этап) памятники датируются от 2600 до 2200 лет ВС и синхронны катакомбным древностям (Моргунова, 2006; 2007).

Таким образом, период сложения ямной культуры и ее развития в классическом варианте на развитом этапе в основном соответствует этапам развития волосово-гаринско-борской КИО. Поэтому, не отрицая решающую роль местных неолитических культур, есть все основания полагать, что на процесс сложения последней и начало энеолитизации лесных районов Среднего Поволжья и Волго-Камья значительное влияние оказали раннеямные племена. Отмечавшиеся исследователями такие характеристики, как примесь раковины, профилированность и другие признаки на керамике волосовских памятников, являются тому подтверждением. При этом необходимо еще раз обратиться к материалам II Мурзихинского могильника. Важно, что материалы памятника не только получили надежные радиоуглеродные определения, но и были изучены комплексно. В целом, памятник в культурном отношении относится к гаринско-борским древностям (керамика, кремневые и костяные изделия, скульптура), но в то же время, имеются признаки южных влияний в погребальном об-

ряде (скорченные и сидячие погребения, охра, восточная ориентировка, кости КРС, бусы из раковин, медные изделия, наличие южноевропейского антропологического типа). Поэтому автор исследований могильника А.А. Чижевский вполне обоснованно отмечает эти южные влияния и приводит аналогии в хвалынской, трипольской и новоданиловской культурах (Чижевский, 2008. С.370-371). Судя по датировкам, данный памятник соответствует поздним хвалынским и ранним подкуранным захоронениям типа комплекса Перегрузное.

В этой связи следует остановиться на проблеме становления металлургии у волосовских и гаринско-борских племен. В специальных работах Е.Н. Черных к началу 70-х годов прошлого века был обоснован вывод, что гаринско-борский металлургический очаг относился к досейминскому горизонту и имел самостоятельное значение (Черных, 1970. С.108). Этот очаг, по его мнению, был маломощным и возник под влиянием фатьяново-балановской культуры. Одним из аргументов в пользу этого вывода приводился близкий состав металла – «чистая медь», являвшаяся основным источником сырья для металлургов обеих культур и добывавшаяся из местных месторождений Среднего Поволжья (Там же. С.107-108). Вывод о возникновении гаринско-борской и волосовской металлургии под влиянием фатьяновского очага нашел подтверждение в исследованиях С.В. Кузьминых (Кузьминых, 1977; 1980). В целом, сохраняя в общих чертах свое значение, данное заключение в свете радиоуглеродного датирования и уточнения хронологического соотношения культур лесной зоны требует некоторой поправки. При этом важно не забыть, что в то время, несмотря на отсутствие радиоуглеродных данных, делались попытки синхронизировать позднейшие (полтавкинские) и раннекатакомбные памятники с поздними волосовскими и гаринскими, о чем, в частности, свидетельствовало широкое распространение гребенчатых штампов и ряда композиций, в том числе из шагающей гребенки, на полтавкинской керамике (Васильев, Габяшев, 1982. С.13). Кроме того, стратиграфические наблюдения на многослойных поселениях Волго-Окского междуречья показывали взаимовстречаемость фатьяновских вещей лишь в самых поздних волосовских слоях (Крайнов, 1987а.

С.71). Эти наблюдения Д.А. Крайнов подкрепил первыми 14С датами для фатьяновских памятников (Там же. С.71). Их значения – 3780 ± 130 ВР (Турчиновский могильник) и 3650 ± 80 ВР (Волосово-Даниловский могильник). Сравнение хронологии поздних волосовских и гаринско-борских памятников с хронологией степных культур позволяет установить их синхронность с позднейшей (полтавкинской) и раннекатакомбной культурами. К этому же времени, судя по имеющимся датам, следует относить появление фатьяново-балановской культуры в лесной зоне Поволжья, которая большинством археологов считается пришедшей из западных регионов. Таким образом, возникновение волосово-гаринской металлургии, вероятно, относится к более раннему времени и, скорее всего, ее формирование произошло не без влияния приуральского очага, о чем свидетельствует сходство в типологии ножей и некоторых других категорий изделий. При этом местное металлургическое производство в среде лесного населения не отрицается, поскольку тому имеются многочисленные свидетельства на волосовских и гаринско-борских поселениях (Кузьминых, 1977). Основные особенности металлопроизводства последних нашли продолжение и развитие в металлургии фатьяново-балановской, а в дальнейшем и абашевской культур (Черных, 1970. С.108).

В связи с этим заключением необходимо обратить внимание на такие редкие находки из приуральских памятников развитого этапа ямной культуры, как болдыревское копьё с разомкнутой втулкой (Моргунова, 2000. С.63) и нож с отогнутым концом (Моргунова и др., 2010. С.52. Рис.37. С.68). Первое изделие находит аналогии в фатьяновских и абашевских памятниках, но его 14С даты древнее – в пределах 3000–2500 лет ВС (4100 ± 70 ВР; 4300 ± 80 ВР)*. Радиоуглеродные даты в пределах третьей четверти III тыс. до н.э. для ямного погребения с ножом из КМ Скворцовка 5/4 соответствуют датам позднего этапа гаринско-борской культуры, на вятских памятниках которой найдены подобные изделия (Кузьминых, 1980. С.148-149).

* В первых публикациях Болдыревский комплекс с копьем датировался мною, на основании аналогий ему в фатьяновской культуре, полтавкинско-катакомбным временем (Моргунова, Кравцов, 1994; Моргунова, 2000). Недавно для погребения получены 14С даты: 4340 ± 80 и 4100 ± 70 .

**Хронология культур эпох неолита-энеолита-раннего бронзового века
Поволжья и Приуралья**

	Степная зона	Лесостепь		Лесная зона		
СБВ	<u>Ранняя катакомбная культура Калмыкии</u>	<u>Скворцовка КМ</u> 4100±110 3810±40 (ямная)	Поздний энеолит	<u>Поздние волосовские погребения</u> 4080±60 3820±40		
	От 4100±100 до 3680±40	<u>Изобильное I, 1/1</u> 3920±90 (ямная)		<u>Сактыш II (волосовская)</u> 3740±40 3950±40		
	<u>Ямная культура Калмыкии</u>	<u>Шумаево ОК и II КМ</u> 4080±100 4100±40		<u>Юртик (гаринская)</u> 3975±80 3530±60		
		<u>Мустаево V КМ 8/2 9/2</u> 4480±100 4290±80		<u>Развитое волосово</u> Погребения: 4240±160 4080±180		
	От 4550±70 до 3680±90	<u>Шумаево I КМ (ямная)</u> 4300±150		<u>Сахтыш II</u> 4470±80 4080±80		
	Перехиточный энеолит – РБВ	<u>Скаговка 5/3</u> 5080±80 4890±70		<u>Н.Орлянка I 1/5</u> 4510±75	Ранний энеолит	<u>Раннее волосово</u> Погребения: 4800±200 4690±190
		<u>Кызыл-Хак II (репин.)</u> 5050±45 4730±70		<u>Лопатино I КМ</u> 4880±80 4750±70		Пос. Берендеево I 4970±95 4730±190
		<u>Репин Хутор (репин.)</u> 5050±80 5680±90		<u>Турганикская ст. (репин.)</u> 4710±80		<u>Чернушка I (гарино)</u> 5350±60 4990±50
		<u>Вертолетное поле КМ</u> 5180±100		<u>Ивановка (турганик.тип)</u> 4860±80 4790±80		<u>Мурзихин. мог-к (гарино)</u> 5390±60 5090±180
		<u>Шумейка КМ (репин.)</u> 5420±100 5290±100		<u>Ивановка (токская)</u> 5070±80 4940±80		<u>Льяловская (поздняя)</u> 5320±50 5000±40
<u>Кумыска (хвалын.)</u> 5260±80		<u>Турганикская ст. (репин.)</u> 5230±90 5150±90	<u>Мурзихин. мог-к (гарино)</u> 5660±40 5570±50			
<u>Перегрузное КМ</u> 5890±150 5430±50		<u>Кузьминки (воротн.)</u> 5630±70	<u>Рус. Азибей, Сауз II (воротничковая)</u> 5680±80 5540±90			
<u>Кара-Худук (хвалынск.)</u> 5980±90 5820±80		<u>Ивановка (токская)</u> 5830±70	5410±90 5560±90			
<u>Каиршак VI (хвалынск.)</u> 6070±80 5780±80		<u>Ивановка-Гундоровка (воротн.)</u> 6100±90 5870±130	<u>Льяловская к-ра</u> 5950±90 5410±70			
<u>Хвалынский мог-к</u> 6040±80 5565±40		<u>Ивановка-Гундоровка (хвалынск.)</u> 6180±90 5790±80	<u>Чернушка (левшино)</u> 5960±80 5400±70			
<u>Кумыска (прикасп.)</u> 5870±70	<u>Лебяжинка III</u> 6055±80 5860±90	<u>Хуторская стоянка</u> 5930±80 5750±80				
<u>Варфоломеевка (орловск.)</u> 5810±80	<u>Мог-ник Съезжее</u> 5890±90	<u>Чашкинское озеро VI (хуторская)</u> 6310±90 6230±160				
<u>Курпеже-Молла (прикасп.)</u> 6050±80 6020±80	6760±80 6580±100		<u>Верхневожская к-ра</u> 6540±70 5840±40			
<u>Буровая 41 (прикасп.)</u> 6790±80 6880±80	<u>Виловатое-Ивановка (неолит)</u> 7780±90 6090±80					
<u>Вафоломеевка (орловск.)</u> 6890±90 6970±70						
Ранний энеолит			Ранний – развитой неолит			

В итоге рассмотрения соотношения основных культур южных и северных районов Поволжья и Приуралья в энеолите и РБВ представим эти процессы в хронологической таблице. По ней видно, что сравнительный анализ материалов, в свое время успешно проведенный И.Б. Васильевым и Р.С. Габяшевым, в целом, подтверждается радиоуглеродными определениями последних лет, в то же время, уточняя особенности и специфику каждого этапа. Основным вывод, который следует из проведенных исследований, заключается в том, что роль южных влияний из района волго-уральского междуречья была как постоянной, так и достаточно значительной в процессе сложения энеолитических культур лесной зоны Поволжья и Прикамья. Такие эпохальные события, как появление первых медных изделий и возникновение собственной металлургии и металлообработки меди, постепенное распространение производящего хозяйства, в значительной степени явились результатом импульсов из южных регионов Волго-Уралья. Но при этом развитие лесных культур оставалось самобытным и достаточно консервативным, поскольку, как отмечают многие исследователи, проникновение южного населения не было столь массовым явлением и не носило характер миграционных процессов вплоть до фатьяновского «вторжения». Для степных культур, особенно для ямной популяции, лесная природная среда была чуждой и неприемлемой для ее хозяйственного типа. Поэтому взаимодействия степных скотоводов Волго-Уральского междуречья, как эпохи энеолита, так и раннего бронзового века, имели скорее характер культурных и обменно-хозяйственных отношений.

Источники и литература

- Бадер О.Н. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье // МИА. №79. 1961.
- Барынкин П.П. Северный Прикаспий в период энеолита и ранней бронзы // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3. Самара, 2003.
- Васильев И.Б. Отчет о раскопках в Красноярском районе Куйбышевской области в 1985 г. // Архив ИА РАН. №12813. 1985.
- Васильев И.Б. Поздний энеолит юга лесостепного Поволжья // Энеолит лесного Урала и Поволжья. Ижевск, 1990.
- Васильев И.Б. Хвалынская энеолитическая культура волго-уральской степи и лесостепи (некоторые итоги исследования) // Вопросы археологии Поволжья. Вып.3. Самара, 2003.
- Васильев И.Б., Габяшев Р.С. Взаимоотношения энеолитических культур степного, лесостепного и лесного Поволжья и Прикамья // Волго-уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев, 1982.
- Васильев И.Б., Синюк А.Т. Энеолит Восточно-Европейской лесостепи. Куйбышев, 1985.
- Васильева И.Н. Технология керамики могильника у с. Сьезжее // Археологические памятники Оренбуржья. Вып.3. Оренбург, 1999.
- Васильева И.Н. Гончарная технология энеолитического населения Волго-Уралья как источник по истории формирования ямной культуры // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. Оренбург, 2006.
- Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. Самара, 2008.
- Гурина Н.Н., Крайнов Д.А. Льяловская культура // Неолит Северной Евразии. М., 1996.
- Дремов И.И., Юдин А.И. Древнейшие подкурганые захоронения степного Поволжья // РА. №4. 1992.
- Иванова С.В., Петренко В.Г., Ветчинникова Н.Е. Курганы древних скотоводов междуречья Южного Буга и Днестра. Одесса, 2005.
- Корневский С.Н. Радиоуглеродные даты древнейших курганов Юга Восточной Европы и энеолитического блока памятников Замок-Мешоко-Свободное // Вопросы археологии Поволжья. Вып.4. Самара, 2006.
- Корневский С.Н. Современные проблемы изучения майкопской культуры // Археология Кавказа и Ближнего Востока. М., 2008.
- Костылева Е.Л., Уткин А.В. Хронология погребального обряда волосовской культуры территории Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008.
- Крайнов Д.А. К вопросу о происхождении волосовской культуры // СА. №2. 1981.
- Крайнов Д.А. Волосовская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987.
- Крайнов Д.А. Фатьяновская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР. М., 1987а.
- Крайнов Д.А. Верхневолжская культура // Неолит Северной Евразии. М., 1996.
- Кузнецов П.Ф., Ковалюх Н.Н. Датирование керамики ямно-репинского облика в Поволжье // Археология восточно-европейской степи. Саратов, 2008.
- Кузьминых С.В. К вопросу о волосовской и гаринско-борской металлургии // СА. №2. 1977.
- Кузьминых С.В. Первые анализы меди с энеолитических поселений бассейна р. Вятки // Памятники эпохи энеолита и бронзы в бассейне р. Вятки. Ижевск, 1980.
- Лычагина Е.Л. Хронология неолита Среднего Предуралья // XVII Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Екатеринбург-Сургут, 2007.
- Моргунова Н.Л. Эпоха неолита и энеолита в лесостепной зоне Волго-Уральского междуречья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук М., 1984.
- Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю. Древнейшая культура на Илеке. Екатеринбург, 1994.
- Моргунова Н.Л. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург, 1995.
- Моргунова Н.Л. Большой Болдыревский курган // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 4. Оренбург, 2000.

- Моргунова Н.Л.** Периодизация и хронология ямных памятников Приуралья по данным радиоуглеродного датирования // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. Оренбург, 2006.
- Моргунова Н.Л.** Об абсолютной хронологии развитого этапа ямной культуры (по данным Южного Приуралья) // Радиоуглерод в археологических исследованиях. СПб., 2007.
- Моргунова Н.Л.** Хронология и периодизация энеолита волжско-уральского междуречья в свете радиоуглеродного датирования // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. Оренбург, 2009.
- Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Евгеньев А.А., Купцова Л.В., Салугина Н.П., Хохлов А.А., Хохлова О.С.** Скворцовский курганный могильник. Оренбург, 2010.
- Моргунова Н.Л., Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В.** Хронологическое соотношение энеолитических культур волго-уральского региона в свете радиоуглеродного датирования // РА. №4. 2010 (в печати).
- Моргунова Н.Л., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В.** Новые радиоуглеродные даты по керамике энеолита и РБВ Поволжья и Приуралья // Археологические памятники Оренбуржья. Вып.9. Оренбург, 2010 (в печати).
- Наговицын Л.А.** Периодизация энеолитических памятников Вятского края // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. Ижевск, 1984.
- Наговицын Л.А.** Новоильинская, гаринско-борская и юртиковская культуры // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987.
- Никитин В.В.** Каменный век Марийского края // Труды Марийской археологической экспедиции. Т.IV. Йошкар-Ола, 1996.
- Никитин В.В.** Ранний неолит лесной полосы лесной полосы Среднего Поволжья (по материалам МАЭ) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008.
- Овчинникова Н.В.** Отчет о раскопках Гундоровского поселения в 1990 г. в Красноярском районе Самарской области // Архив ИА РАН. №7577. 1990.
- Тимофеев В.И., Зайцева Г.И., Долуханов П.М., Шокуров А.М.** Радиоуглеродная хронология неолита Северной Евразии. СПб., 2004.
- Турецкий М.А.** Некоторые проблемы изучения ямной культуры Волго-Уральского региона // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. Оренбург, 2006.
- Халиков А.Х.** Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.
- Халиков А.Х.** Энеолитическая эпоха в лесной и лесостепной полосе Восточной Европы // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев, 1982.
- Цетлин Ю.Б.** Неолит Центра Русской равнины. Тула, 2008.
- Черных Е.Н.** История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966.
- Черных Е.Н.** Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970.
- Чижевский А.А.** Погребения эпохи энеолита Мурзихинского II могильника // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т.I. М., 2008.
- Шишлина Н.И.** Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V-III тыс. до н.э.). М., 2007.